

Иногда я чувствовал себя наркоманом, для которого очередная доза была не источником удовольствия, а лишь средством избавиться от ужасающих ломок, скрючивающих каждый нерв в искаленном теле. Не скажу, что удовольствия я не получаю совсем, онанируя под струей Эрикиной мочи, совсем даже наоборот, надо заметить, моя извращённость сказывается как — никак, но в целом картина во многом похожая. Я боялся что за любое мало-мальски значительное непослушание, срок моего воздержания будет продлен. На день, еще на день. И так до тех пор, пока я не забьюсь в сумасшедшей истерике умоляя освободить мой раздувшийся от семени член и прося подвергнуть меня любым унижениям, лишь бы кончить. Но самый главный страх, за который я себя ненавидел и который скрывал в самых глубинах души, был страх совсем иного рода. Я боялся, что это ненавистное, но такое притягательно — сладкое рабство закончится и я заживу «нормальной» жизнью. Которая уже давно не казалась мне достойной того, чтобы ради этой «серости» отказаться от той полноты чувственных ощущений, которые я получаю сейчас, находясь в услужении. Я был в корне испорченным подчинением ребенком. И я это знал. И не мог утаить, как бы сильно не старался. Моя душа жаждала поклонения. И испробовав его на себе, я уже не мог от него отказаться. Это противоречие раздирало меня на части...

Я не мог решить какая же часть меня является истинной: та, что пробуждается, когда оргазм опустошает меня и я ненадолго обретаю способность к элементарной самокритике или же вторая, темная сторона, моя рабская натура, заставляющая меня забыть о всяком бунте против своих Хозяек и выполнять все их изощренные капризы? Я разрывался между ними, не зная на что же решиться. Готов ли я был добровольно согласиться на то рабство, в котором пока прибывал по принуждению? Голос разума звучал всё слабее, и, я думал, что скоро выбор свершится сам собой. И тогда, есть какашки я буду не морщась, а хрюкая и причмокивая от удовольствия, и прося Госпожу сжалиться и навалить пару кучек добавки. Мама и дочь лежат на кровати томно потягиваясь. Две змеи, сплетенные в объятьях, хранящих до сих пор жар их ночной страсти. Шипящие злобой на своего раба. Превратившие мои неосторожные фантазии в жестокую реальность, в которой нет места непослушанию. В моих мыслях, я заставляю их трахать друг друга во все щели их ненасытных тел, до тех пор, пока они не превратятся в непрерывно спазмирующую в неистовых оргазмах массу из пышущей вожделением плоти, исторгающую из себя струи женской спермы, которая слюдяными потоками стекает по их сведенным судорогой лицам. Они молили бы меня прекратить этот жестокий трахадром, но я бы лишь стегал их дергающиеся задницы кнутом, чтобы они, закусив удила, вновь пускались бы во фрикционный галоп. Они бы вопили, исступленно кривя губы, в уголках которых запеклись слюни: «... хватит Хозяин, пожалуйста, хватит, мы не в силах больше КОНЧАТЬ!!!», но я бы заставлял их скакать дальше и дальше, всё ускоряя и без того уже дикий темп, и оргазм за оргазмом будет сводить их с ума, до тех пор, пока они в беспамятстве не сожрут сами себя, только бы прекратилась пытка, и я навеки останусь единственным хозяином своей жизни.

— Ну и чего ты ждешь, жополиз?! Окрик сестры выдергивает меня из моих мыслей, в которых я становлюсь сильным и устраиваю двум этим сукам такую пытку, которая бы смогла удовлетворить накопившуюся во мне ненависть к моим Беспощадным Истязательницам. Я вздрагиваю и на четвереньках, как преданный пёсик, ползу к Божественному Ложу. Сначала я должен обслужить маму. Утренний куни — это заряд бодрости на весь день, почище банального кофе. Но, чтобы добраться до искрящейся похотью пещерки мне нужно еще обработать поцелуями каждый дюйм ЕЁ бархатного тела. Мама устраивается поудобнее и протягивает мне свои восхитительно пахнущие ножки. — Начинай лизунчик — говорит моя Прародительница, и я, смиренный раб получивший команду Хозяйки, превращаюсь в утренний целовальный аппарат для Богини. Сначала я губками обрабатываю каждый пальчик на ЕЁ

столе, затем я начинаю их посасывать, стараясь не чмокать при этом. Мама этого не любит. Это проявления животной похоти жалкого мужчинки, для которого лизать женские ноги это счастье, свалившееся с небес. Мама хоть и получает удовольствие от моих ласк, но никак этого не показывает. Она остается откровенно холодной. Это лишь дежурная процедура, говорит она, пока я онемевшим от усердия ... языком вылизываю и высасываю её горячее лоно. Просто чтобы ТАМ всё было чисто. Ты же не думаешь, что я буду млеть от прикосновений своего поганого сыночка? Так что и не мечтай, что своими жалкими потугами ты ублажишь свою любимую мамочку. Но с другой стороны, априори считается, что я будучи мерзким извращенцем, получаю безмерное удовольствия от допуска в святая святых, ибо для презренного раба и грязь слизывать с каблучков уже великая честь, что же там говорить о пышущей жаром Хозяйской промежности.

А удовольствие, надо заметить, я получаю по — полной. Запах ЕЁ соков кружит голову, туманит взор и лишает воли. Думаю, это естественно. Запах женщины именно так и влияет на ничтожных мужчин, заставляя их ползать на коленях и молить зарыться лицом в дурманящие глубины багряного блаженства. Природный наркотик, на который я давно и безвозвратно подсел и от предвкушения которого я каждое утро пускаю слюни, как адресированное животное, чтобы получше увлажнить трепещущий от желания язычок. И плевать, что это происходит каждое утро. Это никогда не надоедает. Я работаю только губами и язычком. Мама любит именно так, в отличие от Эрики, которая совсем не прочь, чтобы я слегка прикусывал её мягкую бусинку, отчего моя сладострастная сестра не выдерживает и тихий стон прорывает ледяную броню её обычного высокомерия. Тогда её тело начинает извиваться, что мне особенно нравится, потому что в эти моменты я чувствую над ней свою власть. Над её телом, которому наплевать на все предписания воспитанной леди, оно реагирует на мои ласки и Эрика бьётся в конце концов в судорогах оргазма, а потом обмякает не в силах пошевелиться, такая мягкая и слабая, что кажется можно швырнуть её в сторону как тряпичную куклу. И я победитель в эти моменты. Победитель своей непобедимой сестры. Я наслаждаюсь видом её истощённого ласками тела, смотрю на блаженно закрытые глаза и сведенный судорогой блаженства рот, блестящие пунцовой свежестью губы, вид которых навевает на меня мысли ещё сильнее упрочить свою победу над ней, задвинув мой подёргивающийся в тисках член ей в самую глотку, да так, чтобы у неё глаза из орбит вылезли от такого невероятно огромного, налитого кровью подарка.